

Анна Данилова

Персиковый мед Матильды

«Автор»

Данилова А.

Персиковый мед Матильды / А. Данилова — «Автор»,

Если вначале поездка в Германию и пребывание в качестве гостей-туристов в немецком замке Зоммерберг и приносило новообрачной Кате Миллер удовольствие, то вскоре все неуловимо изменилось. И замок теперь кажется Кате местом скопления готических кошмаров. Катя винит во всем своего молодого мужа Сашу – похоже, он напрочь забыл, что они поженились, хотя на словах по-прежнему страстно в нее влюблен. Но тогда зачем он оказывает знаки внимания русской горничной Татьяне – женщине, намного старше его? И что нужно Саше от замкнутой, холодной немки Луизы Бор, владелицы замка? А вскоре до обитателей замка доходят слухи из соседнего городка Раушенберга: там обнаружено тело давно пропавшей Матильды Эш...

© Данилова А.

© Автор

Содержание

1. Раушенбург	6
2. Москва	10
3. «Зоммерберг»	14
4. Раушенбург	21
5. Раушенбург	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анна Данилова Персиковый мед Матильды

Дорогой милый Андрей!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитесь, познавайте и
испытывайте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (франц.)

1. Раушенбург

Кристина Эш ужинала в одиночестве тушеной капустой, не отрывая взгляда от экрана телевизора. Она сидела на диване, на коленях стоял поднос, под спину была подложена большая удобная подушка. В доме было тихо, даже звук телевизора был приглушен, и герои сериала разговаривали как-то неестественно тихо, словно им была понятна глубокая печаль, накрывшая с головой пятидесятилетнюю фрау Эш и не позволявшая даже им нарушать тишину вставших в анабиоз чистых и словно омертвевших комнат. Еще недавно, как казалось Кристине, в доме было пусть и не так чисто, повсюду были разбросаны какие-то вещи, расчески, колготки, звучала музыка, пахло духами и теплым тестом, но это была сама жизнь. Матильда, тридцатилетняя дочь Кристины Эш, веселая и не совсем серьезная молодая женщина, любившая жизнь во всех ее проявлениях, исчезла бесследно ровно год тому назад. Вышла из дома, как говорится, и не вернулась. Йохан, младший брат Матильды, был уверен, что сестры уже нет в живых. «Пойми, – говорил он мягко матери, пытавшейся убедить сына в том, что его сестра жива, просто попала в сложную ситуацию, – пойми, если бы Мати была жива, разве она не позвонила бы тебе, как ты думаешь? Или она забыла, как пользуются телефонами? К тому же все ее теплые вещи на месте, да и чемодан тоже... Она хоть и была рассеянной и несобранной, сама знаешь, какой была наша Мати, но не до такой же степени, чтобы смыться из дома, не прихватив с собой ни одной вещички. А вещи у нее все хорошие, дорогие, не думаю, что она оставила бы их просто так, не подумав о том, что они могут ей пригодиться». Когда Йохан так говорил, Кристина просто сходила с ума от отчаяния: она больше всего хотела бы, чтобы сын разделил ее надежду на возвращение Матильды, ей так нужна была его поддержка. Но Йохан был человеком, твердо стоящим на ногах, и не верил в то, что Матильда воскреснет. Да, он именно так и говорил: «Не воскреснет». Словно она была уже мертва...

В капусте попадались кусочки колбасы, и Кристина тщательно их прожевывала. Мати любила ее капусту, как вообще любила все, что мать готовила. Да и сама Матильда была прекрасным кулинаром, а уж печь умела так, как никто другой во всем Раушенбурге. Вот только применения своим способностям так и не нашла, не сумела выйти замуж, родить детей – жила себе как бабочка, порхала из одной мужской постели в другую, брала от жизни все, что только попадалось под руку, радовалась, как умела. А уж какая неприхотливая была Мати – все мужчины ей нравились, в каждом она умела разглядеть что-то хорошее. Даже в пьянице Петере Геллере она нашла бездну доброты, простодушия, щедрости. Чуть замуж за него не вышла. Может, и вышла бы, не угоди Петер под колеса грузовика.

Солнце село, окна загорелись теплым оранжевым светом, мягкие продолговатые тени деревьев легли на стены. Послышался звук отпираемой двери – пришел Йохан. Кристина вздохнула, поставила поднос на столик, встала, пошевелила плечами, чтобы выпрямить спину, покрутила головой, приладила волосы ладонями. Вздохнула и пошла навстречу сыну.

Йохану было двадцать восемь, и в этом году он собирался жениться на Марте, своей невесте, жившей в Мюнхене, но готовой сразу же после свадьбы переехать сюда, в Раушенбург, к Йохану и его матери. К счастью, Кристина и Марта быстро поладили. Все страхи, связанные у Кристины с появлением в ее жизни снохи, исчезли, когда она поняла, что ей не придется делить сына с чужой женщиной. Марта любила Йохана, и Кристина не восприняла ее как чужую. Девушка как-то легко нашла в Кристине близкого и родного человека, была спокойна, рассудительна, предупредительна. Да о такой снохе можно было только мечтать. Жаль только, что она приезжала в Раушенбург не так часто, как бы этого хотелось Кристине. Йохан периодически ездил в Мюнхен за деталями для своей автомастерской и там, в доме родителей Марты, оставался ночевать. Его там любили и считали дни до свадьбы.

– Мама? – Йохан остановился на пороге гостиной и уставился на мать так, словно не ожидал ее здесь увидеть. Он был бледен, лицо его даже показалось Кристине сероватым, по лбу струился пот.

– Йохан, что с тобой? Ты заболел? – встревожилась она. Подошла и внимательно осмотрела лицо сына. – Ты что молчишь? Что-нибудь случилось? С Мартой? Она в порядке?

– Мама... Ты только успокойся... Ничего, слышишь, ничего не произошло. И с Мартой все в порядке, она жива и здорова. Мы с ней только что расстались... Сядь.

Когда он говорил «сядь», это могло означать только то, что он готовил мать к какой-то дурной новости. Но если с ним и с Мартой все в порядке, то остальное теперь не имело для нее никакого значения.

Она послушалась его и села на диван, облокотилась на подушку и подняла на сына отчего-то повлажневшие глаза. Да, конечно, сейчас он скажет ей что-то нехорошее... Но что? После того как пропала Мати, разве может ее что-то всерьез встревожить? Главное, с Йоханом и его невестой все слава богу.

– Мама, я сейчас пройду в свою комнату, потом позову тебя, и ты поднимешься, хорошо?

– В комнату? Йохан, ты пугаешь меня! Что у тебя там... в комнате?

Она подумала вдруг, что Йохан все-таки заболел и хочет раздеться и показать матери что-то, может, опухоль, или ссадину, или... огнестрельную рану? Отчего он такой серый?

– Йохан, скажи только: ты не болен?

– Нет же, мама, не болен! – нервно бросил он и достал из кармана телефон. – Когда я тебя позову, поднимайся, хорошо? Я просто кое-что заснял на телефон и теперь хочу показать тебе на компьютере, в увеличенном виде. Вот и все.

Она слабо улыбнулась. Фотография. Что-то испугало ее сына, раз он хочет ей это показать. Главное, повторила она про себя в который раз, с Йоханом все благополучно.

Он позвал ее минут через десять. Не сказать, чтобы она сильно переживала. Больше того, она встала и унесла поднос с остатками еды и грязной тарелкой на кухню. Старалась держаться, чтобы не отключиться, не упасть в обморок, как на прошлой неделе. Шла себе вот так же с подносом да вдруг лишилась чувств. Очнулась на полу, среди осколков посуды, на ковре – разлитый томатный суп. Пришлось чистить ковер.

Она услышала голос сына, звавшего ее к себе в комнату, нервным движением вытерла и без того чистые сухие руки о фартук и направилась к лестнице. Поднималась тяжело, с бьющимся сердцем.

Вошла и сразу же посмотрела на экран компьютера. Ей показалось, что она видит какую-то темную, непонятную картину. И, только приблизившись, она поняла, что это снимок леса. Темно-зеленые ели, фрагмент лилового неба, а в глубине – какое-то светлое пятно.

– Мама, сядь. – Йохан придвинул к столику еще один стул для матери, взял ее за руку и усадил рядом с собой. – Смотри... Это лес. Ты знаешь это место, рядом с замком «Зоммерберг».

– Конечно, знаю. Лора Бор, ты же знаешь, мы были когда-то подругами... Ты не знаешь, кстати, как идут ее дела? Много ли туристов?

– Не знаю. Вот наведишь ее и спросишь сама. Мама, посмотри внимательно на этот снимок. Я потом покажу тебе и другие.

– Йохан, это всего лишь лес.

– Мы были там сегодня с Мартой. Решили устроить пикник, купили тирольской колбасы, ты знаешь, Марта любит пикники. Мы развели там костер.

– Надеюсь, вас никто не видел? Там же довольно людное место.

– Мама! Ничем таким мы там не занимались. Мы просто хотели поджарить колбасу, отдохнуть.

Кристина вдруг поймала себя на том, что она не хочет, чтобы Йохан рассказывал ей истинную причину появления в их доме этого снимка. Она готова была задавать любые глупые вопросы, лишь бы оттянуть время. Она знала, что в этом лесу влюбленные парочки проводили время куда веселее, чем они могли бы себе это позволить в доме родителей. Вот и Йохан, видимо, привозил туда свою невесту, чтобы...

– Вот смотри, я увеличил это пятно.

Она уже видела это. Теперь же это было не пятно, а какая-то светлая тряпка, висевшая на ветке ели. Йохан увеличил изображение, и на светлой ткани, явно потускневшей и вымазанной грязью, проступили розовые точки. Розочки. Это было платье Матильды! Где-то глубоко в горле образовался ком и медленно покатился куда-то вниз, в грудь. Ей стало тяжело дышать...

– Мама, это платье Матильды! Ты знаешь, другого такого платья в Раушенбурге ни у кого не было. Эту ткань ей подарил один шофер из Лиона, помнишь его? Мати еще тогда привела его к нам домой переночевать, и тебе не понравилось, что он так много ест и громко рыгает.

– Да... – произнесла она онемевшими губами. – Я еще тогда сказала, что это неприлично – приводить в дом постороннего человека.

– Она сказала, что, может, выйдет за него замуж, – вздохнул Йохан. Он тяжело переживал падение сестры и уже не верил, что когда-нибудь она выйдет замуж.

– Это платье она сшила себе сама, – кивнула Кристина. – Это точно оно. Но как оно могло оказаться в лесу?

– А ты не понимаешь? Мати была в нем, потом сняла его. Словом, мама, она не вышла из леса, я так думаю. Не могла же она голой направиться домой? Думаю, что она... там...

– Кто?! – Кристине вдруг стало холодно. Словно это с нее сняли платье и оставили ее в лесу – одну, ночью. Почему ночью?

– Наша Мати. Думаю, ее тело там... в лесу. Там, среди хвойных иголок, я увидел и это...

На экране появился еще один снимок. Женская туфля светло-розового цвета. Это была туфля Мати. Она любила надевать их именно с этим красивым, правда, немного легкомысленным (как и сама Мати) платьем. Значит, она вышла из леса босая?

– Йохан, мне страшно... Какие ужасные находки! Но, может, все не так, как ты думаешь? И она жива? – Глаза Кристины наполнились слезами. – Йохан! Мы с тобой знаем, Мати часто бывала в этом лесу... не одна. Зачем ее было кому-то убивать? Она и так никому не отказывала. Какой в этом смысл?

– Какой-нибудь психопат. Некрофил... Идиот, понимаешь, мама?! Вокруг полно больных людей!

– Что ты решил?

– Я и позвал тебя, чтобы поговорить. Спросить тебя. Пойми, мы Мати уже ничем не поможем. Она наверняка мертва. Другой вопрос – ты. Мне важно, чтобы ты сама приняла решение: обращаться в полицию или нет? Ты должна понимать, что если мы обратимся в полицию и они обнаружат труп Мати в лесу, то нам с тобой придется ее опознавать. Это тяжелое испытание. Я ужасно боюсь за тебя. Ты и так держишься с трудом. Я же знаю, как ты больна. К тебе аппетит вернулся лишь недавно. Ты похудела. Такой стресс может только навредить тебе. Еще раз повторю – Мати-то мы все равно уже ничем не поможем. Но, с другой стороны, а вдруг ты успокоишься, когда полиция найдет преступника, того, кто ее убил? Как именно, ты считаешь, нам надо поступить?

– Йохан... А ты думаешь, мне будет легче, если я буду знать, что моя дочь лежит под землей, в лесу, зарытая, как собака? А убийца гуляет на свободе, пьет пиво и готовит новое убийство?

Она сказала это так твердо, что Йохан покачал головой. Он не ожидал от матери такого адекватного понимания ситуации, такой трезвости ума и выдержки.

– Мама, нам стоит сделать всего лишь один звонок, и все завертится. В лес приедут полицейские с экспертами. Ты все правильно говоришь, ты умная и все понимаешь, но твое здоровье... Это будет шок, стресс. А ты у меня одна.

– Не переживай за меня. К тому же может оказаться, что в лесу нет нашей Мати. Что она просто провела там весело время и нагишом отправилась с каким-нибудь водителем в отель. Может, этот мужчина дал ей свою рубашку и штаны? Мати сколько раз возвращалась домой под утро, разве мы видели, в чем она приходила?

– Но зачем было оставлять свое любимое платье в лесу?

– Выпили много. Вот и все.

Ей было неприятно говорить об этом, тем более что, произнося подобные вещи, она представляла себе пьяненькую Мати, растрепанную, с хвойными иголками в волосах и с блуждающей улыбкой, раздетую, розовую, с полными грудями, торчащими в разные стороны, и округлым животиком. Она была создана для материнства, для семьи.

– Я не знаю... – вдруг произнесла Кристина упавшим голосом и расплакалась. – Не знаю!

– Там пятна на платье, видишь? Мне показалось, что это кровь. Конечно, прошло много времени – дожди, снег, грязь. Хотя, может, это пятна от оранжевой коры? Не знаю. Марта говорит, что не надо ворошить прошлое.

– Она так сказала?

– Она тоже, как и я, боится за тебя.

– Я хочу увидеть это место, – немного успокоившись, произнесла Кристина. – Не сегодня, конечно.

– Так я и думал, – Йохан обнял мать и поцеловал. – Какие же у тебя соленые слезы, мама...

2. Москва

Елена Николаева, услышав звонок, очнулась от размышлений и поднялась с кресла, где сидела все время, которое понадобилось Ольге для того, чтобы добраться сюда из Замоскворечья. Елена и Ольга были близкими подругами, много времени проводили вместе, несмотря на то, что муж Елены, Борис, считал, что замужней женщине надо бы побольше времени уделять мужу, семье. Это Ольга живет одна, и у нее только одна забота – встречаться с приятельницами и бездельничать. А Лена, вместо того чтобы ходить с Ольгой по магазинам и кафе, могла бы заняться, скажем, вопросами ремонта или нанять садовника, чтобы тот посадил на даче клубнику и помидоры. Но все эти упреки были несерьезными, они оба знали это, и Лена воспринимала их с легкостью, нисколько не обижаясь и не обращая на них никакого внимания. Все это были только слова, и Лена знала: Борис, случись что с Олей, всегда поможет ей и связями, и деньгами. Он и сам не заметил, что Ольга стала словно частью их семьи, их жизни.

Особенно часто подруги виделись, когда в семье Николаевых происходило что-то важное, такое, что требовало срочного обсуждения. Все эти события являлись этапами жизни семьи, и так уж сложилось, что именно Ольга была свидетельницей того, что случалось с Леной и ее семьей со дня свадьбы. Сложные поначалу отношения между Леной и Борисом, небывалый карьерный взлет Бориса, беременность Лены, рождение Кати, покупка загородного дома, затем – квартиры на Чистых Прудах, болезни Лены и Кати, измена Бориса, ссора Лены с Борисом, начало бракоразводного процесса, затем примирение супругов, первые ошибки юной Кати, ее первый возлюбленный – ровесник родителей, учитель истории Лев Иосифович, как следствие – ранняя беременность Кати и аборт, болезнь Кати, ее встреча с Сашей – всё, всё знала Оля.

Лена открыла дверь ипустила подругу. Они обнялись, как очень близкие люди.

– Тебе кофе или чаю?

– Кофе.

Ольга, привлекательного вида кареглазая блондинка с пышными формами и нежным лицом, нахмурила брови, глядя на Лену, свою противоположность – белокожую брюнетку с пухлыми красными губами и ярко-голубыми глазами.

– У тебя снова неважный вид. Не спала? Все о Кате думала?

– Думала.

– Опять чувство вины?

– Да, – Лена опустила голову. На эту тему было сказано слишком много, но тем не менее ей постоянно требовались советы или просто участие Ольги, ее желание выслушать Лену в очередной раз, посочувствовать и, главное, чтобы Оля произнесла те слова, которые Лена хотела бы услышать: что Лена ни в чем не виновата и все, что произошло с ее дочерью, – течение самой жизни, и в данной ситуации ничего от Лены не зависело. Больше того: замужество Кати было единственно верным решением.

– Послушай, подруга. – Ольга прошла за Леной в кухню, села на свое любимое место возле окна, придвинула большую хрустальную пепельницу: – Ты знаешь, в моей жизни было тоже много разного. И мне пришлось обращаться к психологам. Так вот, повторяю снова и снова: чувство вины – самое худшее, что может случиться в твоей ситуации. Тебе следует избавиться от него во что бы то ни стало. Чувство вины губит человека, превращает его в раба собственной глупости. Перед кем ты виновата? Уж не перед своей ли дочерью?

– Тебе с молоком или без? – упавшим голосом спросила Лена, разливая по чашкам кофе.

– С молоком, ты же знаешь. И сахара – одну ложку.

– Да, перед дочерью.

– А разве не твоя дочка Катя, еще учась в школе, связалась с этим самым... Львом Иосифовичем, чтоб ему пусто было? Разве это не она виновата в том, что скрыла от тебя эту связь, что она, еще школьница, позволила себе? Что перешагнула ту грань, за которой...

– Оля, все так. Да, она скрыла от меня, что у нее роман с учителем истории. Но ты же знаешь, какая Катя впечатлительная девочка. Она встречалась с Львом Иосифовичем потому, что была страстно влюблена. Мы с тобой уже это обсуждали. В ее тогдашнем возрасте чувства наиболее яркие, свежие. И наслаждение, которое она получала, встречаясь с этим мужчиной, вернее, память об этом наслаждении останется с нею на всю жизнь. Она была счастлива, а за счастье, как тебе известно, надо платить. Согласись, она расплатилась сполна. Я же заставила ее сделать аборт. И неизвестно еще, чем все это кончится.

– Она, слава богу, забеременела, так что бесплодием тут и не пахнет. Значит, так, подружка. Давай начнем рассуждать с самого начала, и тогда, быть может, ты поймешь: твоей вины в том, что твоя дочка вышла замуж, можно сказать, за первого встречного, нет.

– Хорошо. Только постарайся не сделать мне очень больно.

– Уж лучше сначала сделать больно, чтобы помочь тебе понять главное – ты ни в чем не виновата. Значит, так. Твоя дочь стала любовницей сорокалетнего мужика. Забеременела от него. Испугалась и рассказала тебе об этом, не зная, что ей делать. Эта свинья, этот учитель, хоть и предложил жениться на ней, но всем, по-моему, было ясно, что их отношения ни к чему хорошему не приведут. Да и рожать Кате, десятикласснице, тоже было ни к чему, ей требовалось школу закончить, прийти в себя. Думаю, внушение, которое вы с Борисом ей сделали, после чего она и сама пришла к выводу, что Лев Иосифович ей не пара, оказалось полезным. Она разорвала отношения с ним, перешла в другую школу, сделала аборт, и на этом история закончилась.

– Закончилась? – Лена уронила ложку с сахаром и посмотрела на Ольгу широко раскрытыми глазами. – Оля!

– Ну, наступила депрессия. Да, ей пришлось несладко. Но для ее возраста она еще легко отделалась. Полежала пару недель в нервной клинике, потом пошла на поправку. Вы, как родители, сделали для нее все возможное, чтобы она окончательно выздоровела, вернулась к занятиям, закончила наконец школу. Итак, это тяжелое испытание вы выдержали. Все трое. Теперь что?

– Я плохо воспитала свою дочь. Я ей слишком многое позволяла, мы с Борисом были чересчур мягки с ней, все прощали, ни в чем не отказывали, оправдывали все ее поступки.

– И все равно твоя дочь – ангел. Даже несмотря на все то, что с ней произошло. Знаешь, я всегда на стороне тех, кто хорошо учится, откровенен со своими родителями, кто адекватен, понимаешь? А с твоей Катей всегда можно договориться.

– Ты – удивительная, – грустно улыбнулась Лена. – Так говорить о Катьке, когда та натворила столько бед, совершила столько ошибок!

– Но она все равно светлый человек. Она находится в поиске, понимаешь?

– До сих пор?

– Нет, с Сашей, думаю, у нее все серьезно. Но мы отвлеклись. Давай пойдем по хронологии. Итак. Катя заканчивает школу с золотой, между прочим, медалью, поступает в институт, заканчивает первый курс...

– Да, и тут случайно встречает на улице парня. Заметь – на улице! Приехал парень из провинции, по своим делам. Шел себе – и встретил Катю.

– Так оно в жизни и бывает. Знаешь, у меня тоже все так произошло. Я встретила на улице парня, мы с ним разговорились, обменялись телефонами.

– Помню. Твоя мама не разрешила тебе пойти на встречу с ним... Сказала, что уличное знакомство ни к чему хорошему не приведет.

– А что, если бы я не послушала маму и у меня бы все получилось с тем парнем?

- Катку защищаешь?
- А кто ее еще будет защищать? Она влюбилась, понимаешь, в очередной раз. Влюбилась – и стала встречаться с Сашей.
- Они встречались всего неделю. Ровно столько, сколько требовали его дела в Москве. Потом он уехал к себе в Бебель.
- Гегель. Мы с тобой смотрели – это небольшой городок под Энгельсом.
- Удивительные названия!
- Что было дальше?
- Саша позвонил и сказал, что он скучает по Кате, влюблен в нее. Словно он не мог сказать этого при встрече! Просто мальчик подумал: а почему бы не жениться на молоденькой москвичке?
- Старая песня. Получается – если молодой человек не живет в Москве, значит, он уже не пара твоей дочери?
- Да, именно так и получается, – устало ответила Лена. – Ты пойми, мы живем в такое время! Да и вообще, скажи честно: тебе-то этот Саша понравился?
- Красивый молодой человек. Не глупый. Не робкий. Но... себе на уме.
- Вот и я о том же. Смотри: он позвонил ей. Сказал о своей любви, что не может без нее, а моя-то дурочка уши и развесила, сказала – она тоже от него без ума, а когда уж он сделал ей предложение и заявил, что хочет познакомиться с нами, с ее родителями... Ты сама видела ее накануне его приезда. Она была сама не своя от счастья. А нам с Борисом – после всего, что пришлось пережить, – было очень важно увидеть Катю счастливой. Даже не знаю, почему мы сразу согласились и на этот обед, и потом, когда уже познакомились с Сашей, позволили им пожениться.
- Я помню и этот обед, и то настроение, которое царило в этой квартире. Не знаю, как у тебя, а у меня сложилось впечатление, что собралась семья. Все было как-то по-настоящему, что ли... Даже Борис, всегда сдержанный, развеселился, обнимал Сашу за плечи, называл его зятем. И все было очень неплохо.
- Да. Если не учитывать, что Саша – нищий. Что он живет в каком-то захолустье, а теперь благодаря знакомству с нашей семьей...
- С Катей.
- Да, пусть – с Катей. Теперь жизнь его резко изменится. Он будет жить вместе с нами в шикарной квартире, в центре Москвы. Борис устроит его на хорошую работу, возможно даже, купит ему бизнес, ту же автомастерскую, или поможет ему поступить в университет. И у нас, таким образом, появится еще один ребенок.
- Но почему ты таким грустным тоном об этом говоришь?
- Все было бы хорошо, будь у него хорошая семья, достаток. Понимаешь? Ведь Катя – наша единственная дочь!
- Но она счастлива.
- Ну не верю я ему, понимаешь?
- А Борис?
- Он вообще не любит об этом говорить. Для него главное, чтобы Кате было хорошо.
- А тебе разве нет? – не унималась Оля.
- Мы начали с того, что я испытываю чувство вины. Так вот. У меня предчувствие, понимаешь? Катя со своим мужем сейчас далеко... Они только-только поженились. Мы с отцом предлагали им разные варианты свадебного путешествия. И Париж, и Марокко, и Лондон... Почему он заиклился на этом замке? Никак не могу запомнить его название...
- «Зоммерберг». Звучит устрашающе.
- В Германии много замков. Почему именно этот?

– Да в чем дело-то? Лена! Насколько я поняла, он повез туда молодую жену на собственные деньги?

– А откуда у него, простого работяги из автомастерской...

– Он не простой работяга! Он хозяин автомастерской, – заметила Ольга, склонная к тому, чтобы всех зацеловать и примирить между собой.

– Откуда у него такие деньги?

– Нет денег – плохо. Есть деньги – снова плохо. Что тебя смущает?

– Говорю же – интуиция! Я не знаю, что с Катей. Как она там... Как этот Саша к ней относится. Я переживаю за нее! А что, если он, узнав ее историю с учителем... Что, если он ей этого не простит?

– Будет дураком. Я тебе так скажу: если он ее по-настоящему любит, то все простит. К тому же твоя дочка не такая дура, чтобы рассказать все мужу. Ну да, она не девственница, но это нормально в ее возрасте. Успокойся, Лена. Я выслушала тебя и поняла, что все твои страхи и чувство вины – надуманные. Все хорошо. Твоя дочь вышла замуж за любимого человека и теперь отдыхает вместе с мужем в старинном замке. По-моему, это очень романтично и шикарно.

– Скажи, ты устала от меня? От нас? От наших проблем? – вдруг спросила Лена. – Сидишь тут, выслушиваешь мои бредни и, наверное, думаешь: мне бы ее проблемы! Так?

– Знаешь, что будет самым страшным? – побледнев, вдруг сказала Оля.

– Что?

– Если окажется, что я вам с Борисом больше не нужна и вы не захотите меня видеть. Если вы откажете мне в дружбе.

– Что такое ты говоришь?! – удивилась Лена. – Откуда такие мысли?

– Я привязалась к вам и переживаю за Катю не меньше вас. Но мне так хочется, чтобы ее жизнь наладилась! Она, бедняжка, так настрадалась, нарыдалась... И еще я рада, что она снова беременна. Это значит, что твое вмешательство не причинило ей вреда, понимаешь?

– Беременность... не знаю, почему, но я стараюсь об этом не думать. Мне все кажется, что Катя позвонит и скажет: мама, это мнимая беременность, мне показалось.

Раздался телефонный звонок. Лена вздрогнула. Затем встала и стремительной походкой отправилась в гостиную. И оттуда вскоре донеслось ее радостное:

– Оля, это Катя! Иди сюда скорее!

3. «Зоммерберг»

– Мне нравится здесь все. И свежий воздух, и вид из окна, эти горы и леса! И солнце, которое заливает все окрестности и заставляет по-новому взглянуть на окружающее. И старинная ванна, в которой ты меня моешь, и даже запах мыла. Здесь все не так, как у нас. Словно я попала в другой мир!

Катя стояла возле распахнутого окна и смотрела вниз, на круглую площадку перед замком, где парковались частные авто и автобусы с туристами. Замок окружала высокая, темного красного кирпича стена, вход представлял собой высокую арку, под сводами которой вился пышно дикий виноград и где по ночам прятались летучие мыши. Площадка была, в свою очередь, окружена металлической чугунной решеткой со сложным, затейливо отлитым узором. Старинный замок «Зоммерберг», расположенный в Баварии, недалеко от местечка под названием Раушенбург, являлся собственностью семьи Бор, но туристы мало что знали о хозяевах. Чаще всего их встречал одетый в ливрею дворецкого экскурсовод, который водил гостей по многочисленным комнатам замка со старинным убранством, рассказывал истории военных походов, показывал винные погреба, предлагая купить бутылку-другую вина, грандиозные конюшни в английском неоготическом стиле, знакомил с главными достопримечательностями – «Гербовым» и «Гобеленовым» залами, после чего туристов кормили в большой, похожей на уютный ресторан кухне замка и, если это предусматривалось путевкой, устраивали их на ночлег в правом крыле замка. Туристы, которых привозили просто на экскурсию, бродили здесь лишь в первой половине дня, после чего отбывали, и тогда замок оставался в распоряжении гостей, приехавших сюда на неделю-другую, то есть живших здесь какое-то определенное количество дней в надежде хорошенько отдохнуть и насладиться сполна старинной романтикой.

Катю привез сюда ее молодой муж Саша, объяснивший свое желание провести медовый месяц именно здесь своей давней мечтой. Он сказал, что кто-то из его друзей уже проводил тут свой свадебный отпуск и остался доволен. И хотя Саша не отличался особой впечатлительностью и вообще был человеком сдержанным и немногословным, но даже он, переступив черту, отделявшую территорию замка от остального мира, присвистнул, оказавшись в атмосфере глубокой старины, где все дышало покоем, умиротворением, где каждая травинка в парке, каждый цветок на расписанных старинных тарелках, каждая вышитая фигурка на потускневших от времени гобеленах, каждый прогретый на солнце кирпич были бережно сохранены и несли в себе частицу истории Германии. Даже вертела, на которых жарились к ужину фазаны и цесарки, были настоящими, средневековыми.

Молодожены занимали гостиничную комнату в одной из башен, откуда открывался вид на расположенный внизу, под сводами замковой стены, городок Раушенбург и окружающие его подернутые голубовато-зеленой дымкой густые хвойные леса.

– Я рад, что тебе здесь хорошо. И это здорово, что я приехал сюда не один, а с тобой. Ты настоящее украшение этого замка и моей жизни, конечно.

Катя смотрела на Сашу, слушала его, и всякий раз ей становилось не по себе при мысли о том, что еще совсем недавно она не знала этого человека. Вышла замуж неожиданно для себя, и самое неприятное – боялась признаться себе в том, что чувство, испытываемое ею по отношению к мужу, пугало ее своей стихийностью, отсутствием того, что принято называть здравым смыслом. Она потеряла рассудок, когда увидела его, улыбавшегося ей. Получалось, что одной его улыбки оказалось достаточно, чтобы она ответила ему удивленно-восторженным и несколько растерянным взглядом и согласилась на знакомство. До встречи с Сашей слишком многое произошло в ее жизни: она успела приобрести не очень-то веселый опыт, дело даже чуть не дошло до самого страшного. Как могло случиться, что ей, прежде считавшей привлекательными мужчин зрелых, опытных, понравился молодой парень, чуть постарше ее,

хотя и не лишенный истинно мужских качеств? Да, в нем не было того спокойствия и снисходительности, которые так действовали на нее и заставляли волноваться всякий раз, когда она видела Льва Иосифовича. Его покровительственные манеры, стремление подчинить себе слабую, влюбленную в него школьницу Катю Николаеву – все это превращало ее в безвольное, но удивительно счастливое существо. Но зато в Саше было много такого, чего она не чувствовала в своем первом любовнике и что нравилось ей не меньше, если не больше. Саша был энергичным, быстрым в движениях, приятно резким, немного грубоватым, в нем было много пылкости, страсти, и он казался открытым, близким, почти родным. И получалось, что она ошибалась, когда считала, что ей может нравиться лишь один тип мужчин. Оказывается, она не знала мужчин вообще, и, кто ведает, может, после Саши у нее будет возможность оценить и других мужчин? Но эти мысли являлись ее тайной, закрытой для всех остальных жизнью. Мало ли о чем может думать необремененная заботами молодая женщина?

Сейчас же ее мучил один-единственный вопрос: останется ли Саша таким же нежным и страстным и дальше, не остынет ли к ней, как остыл пресыщенный Лев Иосифович, будет ли он любить ее так же сильно, как сейчас, будет ли о ней так заботиться? Каждый день, проведенный вместе с Сашей, пока что свидетельствовал о том, что она нашла идеального мужчину. Он каждое свое движение, каждый поступок словно соизмерял с ее желаниями и был крайне предупредителен, что даже немного пугало. Если раньше к ее вещам не имел права прикасаться никто, кроме, скажем, мамы, то теперь Саша сам укладывал ее чемодан, спрашивал, следует ли взять в дорогу зонтик, говорил, что непременно надо положить теплый свитер и носки – в Германии могут пойти дожди. Саша сам мыл ее, расчесывал ее волосы и, казалось, не мог оторваться от нее – так он был влюблен. Редко говорил о любви, но если уж говорил, то слова эти ценились Катей особо, и она всякий раз замирала от счастья, услышав, что она любима, она – единственная, лучше ее никого нет и не может быть, для Саши она – вся жизнь.

Сложная дорога в Германию, с аэропортами и таможами, с унижительными проверками, показалась Кате волшебным сном – настолько легко ей было рядом с всезнающим и заботливым мужем. Он знал, куда пойти, что сказать, что сделать, был щедрым, покупал ей все, чего бы она ни пожелала, и это при том, что поначалу ей казалось, что у Саши мало денег. Тема денег. Катя так и не поняла, откуда они у него появились. Свадьбу справили пышно, дорого, даже роскошно. Она знала, что Саша дал какую-то сумму ее отцу, который занимался приготовлениями к торжеству, но сколько именно – понятия не имела. Хотелось бы, конечно, вообще не думать о деньгах, тем более что они все же были, она это чувствовала, если бы не бесконечные мамины вопросы и придирки. Маме казалось, что Саша беден, у него ничего нет, раз он не живет в Москве. И она была очень удивлена, когда он заявил, что в свадебное путешествие они отправятся в Германию, в замок, билеты уже заказаны и все оплачено. «Может, он бандит?» – однажды сказала мама, глядя с какой-то безысходной тоской на Катины сборы в дорогу, словно прощаясь с ней. «Мама, ты что такое говоришь?! Ты хочешь нас посорить?» Катя была в ужасе от маминого предположения. «Но ты пойми, мы же с отцом ничего о нем не знаем, ну совершенно ничего! Какой-то городок на Волге, какая-то автомастерская... А кем были его родители? Из какой они среды?» Какая среда! Его родителей уже нет в живых. Отец умер, когда Саша был совсем маленьким, а мать – в прошлом году. И, как показалось Кате, Саша еще не пришел в себя после такой потери, тяжело переживал, хотя старался казаться сдержанным. Катя говорила об этом маме, но ей до смерти женщины, которую она не знала и чья жизнь представляла интерес лишь в плане социального положения, не было дела. И вообще, в отличие от Катиного романа с Львом Иосифовичем, когда родители проявили себя в высшей степени участливыми и понятливыми людьми, простили ей все и помогли выкарабкаться из темного облака депрессии, появление в Катиной жизни Саши было воспринято родителями холодно: чувствовалось, что они чего-то недоговаривают – они не хотят Сашу, не доверяют ему и вообще считают, что его желание жениться на Кате продиктовано исключительно корыстными

целями. Это было обидно, больно, тяжело. Поэтому, когда свадьба все же состоялась и Катя с Сашей наконец-то оторвались от ее родителей, от Москвы и от всего, мешавшего им быть вдвоем, девушка испытала смутное чувство тревоги из-за первых блаженных дней, проведенных ими в замке. Все было слишком хорошо, слишком красиво, слишком долгое время они находились в постели, слишком вкусно их кормили – все было как-то слишком, чтобы продолжаться дальше. Вот откуда появился страх возможного разочарования в том, кого Катя уже любила и к кому начала привязываться: страх потерять и его, и ту сладость общения с мужчиной, который стал ее мужем, то есть каким-то образом принадлежал ей.

Замком «Зоммерберг» владела женщина по имени Лора Бор. Катя познакомилась с ней на следующий день после приезда. Невысокая, сухонькая женщина в простом сером платье и с цветным шифоновым шарфом, повязанным на шее. Аккуратная стрижка, бледное лицо, строгий взгляд и дежурная улыбка, обращенная к гостям. Замок, как рассказал им экскурсовод на плохом русском языке, достался Лоре Бор по наследству. Сын хозяйки, Михаэль, студент, время от времени приезжавший помочь матери, показался Кате более современным и веселым, в отличие от своей мрачной матери. Все уже знали, что Михаэль много времени проводит в Раушенбурге, где у них с матерью дом и два маленьких отеля, что он любит выпить, покурить, а на заднем сиденье его роскошного «Крайслера» валяется пачка штрафных квитанций за превышение скорости. Высокий, светловолосый, в джинсах и майке, он появлялся то в кухне, чтобы отдать какие-то распоряжения матери, то в гараже (где Саша в первый же вечер договорился об аренде старенького «Рено»), то на заднем дворе, чтобы заколоть к ужину цесарку или петуха. В замке было не очень много персонала: повар и посудомойка, водитель, автомеханик (он же – мастер на все руки), конюх, сторож и русская женщина Таня – уборщица. Катя познакомилась с ней, когда та пришла к ней в комнату с пылесосом и вежливо спросила, может ли она начать уборку комнаты.

– Вы – русская?! Знаете, это так приятно – услышать родную речь! И давно вы здесь работаете?

Таня, женщина лет сорока, русоволосая, с мягким голосом и внимательными карими глазами, улыбнулась и сказала, что приезжает сюда на лето на заработки. Сама она то ли с Украины, то ли с Поволжья, где осталась ее семья – муж и двое детей.

– Значит, вы работаете, а они ждут, когда вы привезете им деньги? – удивилась Катя. – Как странно!

– Почему же странно? Сейчас многие так живут.

Заметно было, что этот разговор ей неприятен. Катя поняла это и извинилась. Она вышла из комнаты, чтобы не мешать Тане убираться. Но потом почему-то постоянно думала о ней. Представляла себе, что это она сама приезжает в чужую страну на заработки, чтобы убирать комнаты, туалеты, выполнять всю самую неприятную и грязную работу. Так получалось, что на Тане лежала уборка всего замка! Значит, ей хорошо платили.

Саша подошел сзади и обнял ее. Катя закрыла глаза и счастливо вздохнула. Да, она была счастлива, как никогда. И еще она ужасно жалела, что в ее жизни был Лев Иосифович. Если кто-то когда-нибудь расскажет Саше об этой, кажущейся сейчас неприглядной и даже пошловатой истории, кто знает, как он отнесется к этому? Может, станет ее презирать, если вообще не бросит. Может, лучше самой... От этой мысли ей даже стало дурно. Глупости! Ничего она ему не скажет. И он никогда и ничего не узнает. Достаточно того, что он и так понял, что у нее до него кто-то был. И, слава богу, не стал задавать идиотских вопросов.

Они спустились вниз, в кухню, где их уже ждал накрытый стол. Таня, с которой они столкнулись в дверях, сказала, что в замке они теперь одни, одна пожилая чета из Голландии сегодня утром уехала, а новые гости появятся лишь через неделю.

– Дорогие молодожены, можете представить себе, что этот замок принадлежит только вам. Здесь будет тихо, все предоставлено в ваше пользование. Хотите, можете покататься на лошадях или покормить кур на заднем дворе, объехать на машине окрестности, побывать в Раушенбурге, сделать покупки в магазинах, попить пива в знаменитой пивной «Красная башня». Кстати, вы еще не были там? О, вы многое пропустили. Во-первых, это заведение расположено в настоящей башне, вернее, в ее нижней части, наверх ведет винтовая лестница, и если вы подниметесь на площадку, оттуда открывается потрясающий вид на озеро. Я уж не говорю о пиве: оно подается в старинных, расписанных вручную бокалах, и, конечно, о жареных свиных колбасках.

Катя, слушая Таню, подумала – не так уж и плохо ей здесь живется, вдали от семьи, подальше от проблем и от наверняка пьющего мужа. Если бы у женщины был нормальный муж, любящий ее, способный обеспечивать семью, разве он отпустил бы жену так далеко да еще и на такую тяжелую работу?!

– Спасибо. Обязательно поедем в эту пивную, – улыбнулся Саша, да так нежно (как показалось Кате), что она испытала неприятное чувство ревности. А она-то думала, что так улыбаться он может только ей.

Но уже в машине, когда Саша положил ей руку на колено, затем привлек к себе и поцеловал, обдавая ее своим теплом и желанием, она простила ему эту улыбку, обращенную к русской служанке. Именно! Таня – служанка, и этим все сказано. Просто женщине скучно, вот она и пристает со своими советами к русским туристам. И нечего больше вспоминать ни ее, ни то, каким взглядом посмотрел на нее Саша.

Саша! Машина тронулась, и Катя, слегка повернув голову, залюбовалась мужем. Светлые густые волосы, растрепанные ветром, рвущимся в открытое окно, немигающие глаза, смотрящие прямо вперед, нежные губы, впалые щеки, высокие скулы. Он очень красив, просто потрясающе хорош, иначе она никогда бы не влюбилась. И он не идет ни в какое сравнение со Львом Иосифовичем! Он молодой, чувственный, но не порочный, он в постели ведет себя не как пресыщенный и утомленный жизнью старый ловелас, каким после долгих маминых внушений казался Кате сейчас ее первый любовник, а как восторженный, постоянно открывающий для себя что-то новое и приятное молодой здоровый мужчина. И пахнет от него не дорогим одеколоном, а свежестью, сладковатым запахом табака и теплой, чистой кожей.

Машина катила вдоль гладкой дороги, казавшейся голубоватой в ярком утреннем солнечном свете. Темный густой лес по левую сторону благоухал сыроватым хвойным духом, справа возвышались красноватые стены замка «Зоммерберг».

– Ты бы хотела здесь жить? – не поворачивая головы и продолжая смотреть вперед, спросил Саша и, как показалось Кате, слегка улыбнулся. Возможно, своей мечте.

– Здесь красиво... конечно. Но я воспринимаю и этот замок, и эту страну словно какой-то необыкновенный аттракцион, как роскошно проведенные каникулы, нечто в обычной жизни недозволенное, понимаешь? Мне кажется, что люди здесь не настоящие, что все они – на работе. И все искусственное, зрительный обман. Даже эта дорога, ровная, как лента, не говоря уже о самом замке, – все это словно киношное.

– Ты никак еще не можешь поверить в то, что все это – самое настоящее? Что этот замок – не бутафория, я правильно тебя понял? – Саша повернулся наконец к ней, и снова его ладонь сжала ее колено. – Нет, дорогая моя, ты должна привыкнуть к мысли, что это просто другая страна, где все не так, как у нас. Да и вообще, странно, ты же москвичка, успела много красивого увидеть. Москву сейчас не узнать. Я-то думал, что тебя уже ничем не удивить... Так хотела бы здесь жить?

– Где именно? В замке или в Раушенбурге?

– Нет, не в замке, конечно. Это уж точно нереально. Замок – музей, а в музеях может жить только Лора... как ее...

– Лора Бор.

– И еще ее сынок, этот Михаэль.

– Да уж, повезло им, такой замок достался в наследство.

– А я бы не хотел, чтобы меня всю жизнь окружали чужие, можно сказать, посторонние люди... туристы. Хотя бизнес, конечно, неплохой.

– Ты просто так спросил о Германии? – Катя затаила дыхание. Вот бы услышала мама их разговор! Удивилась бы. Хотя желание жить в этой стране может навсегда остаться только желанием.

– Нет, не просто так. Мы же с матерью – немцы и всю жизнь мечтали переехать сюда жить. Не в Раушенбург, конечно, просто в Германию.

– Ты – немец?

– Да. У меня и документы есть, подтверждающие то, что я немец.

– Но твоя фамилия...

– Такая же, как теперь у тебя, – Миллер.

– А я думала, ты – еврей.

– Нет, дорогая, я – немец! Отец тоже был немцем с Поволжья. Многие наши родственники переехали в восьмидесятых годах сюда, а мама почему-то боялась. Она считала, что без знания языка нам придется трудно, она не сможет найти работу. Словом, она была нерешительной и очень скромной женщиной. Будь она сейчас жива, увидела бы, от какой жизни отказалась, и пожалела бы о своем решении остаться в России.

– Ты действительно подумываешь о том, чтобы жить здесь? А как же Москва? Мои родители? – вдруг забеспокоилась она. – Подожди, я что-то не понимаю...

– Ладно. Потом поговорим. Вот осмотришься, подумаешь и скажешь мне, хотела бы ты жить в Германии или нет.

Всю оставшуюся дорогу до города она молчала. Пыталась осмыслить услышанное. Когда же машина въехала в тенистую, засаженную высокими пирамидальными тополями аллею и впереди показалась круглая красная башня с большой желтой вывеской внизу с изображенными на ней полной кружкой пенистого пива и усатым толстяком, прижимавшимся румяной щекой к кружке, Катя решила: не стоит забивать себе голову бреднями своего, как оказалось, увлекающегося и склонного к авантюрам мужа. Надо расслабиться и наслаждаться настоящим.

– Холодное пиво! Свиные жареные колбаски! – Она выразительно произнесла эти слова и сглотнула слюну. – Мы вроде бы только что ели. Но от пива я не откажусь.

Пивная «Красная башня», стильное заведение, красные кирпичные стены которой словно продолжали тему замка «Зоммерберг». Даже очаг в стене, украшенный вычищенными до блеска розоватыми медными сковородками и кастрюлями, деревянными и глиняными мисками, связками подсушенного красного перца и гирляндами чеснока, напоминал кухню замка. Вот только дубовые массивные столы со скамьями вдоль стен, в отличие от более изысканной ресторанной мебели, и еще крепкий и стойкий запах свежего пива отличал пивную от замковой кухни, где пахло жареным мясом и почему-то – подгоревшим молоком.

Девушки в длинных суконных юбках, бархатных зеленых и красных жилетках, надетых поверх белоснежных кружевных рубашек, разносили посетителям подносы с огромными прозрачными кружками, наполненными пивом, огромные блюда с жареным мясом и колбасой, глиняные миски с картофельным салатом и вареной капустой. Посетители, как показалось Кате, были в основном туристы, просто и удобно одетые, с тем безмятежным выражением лиц, которое бывает лишь у людей, настроившихся на получение удовольствия и полное безделье. Местные жители, решила Катя, в этот утренний час, скорее всего, на работе и появятся здесь не раньше шести-семи часов вечера, чтобы поужинать в обществе приятелей, отдохнуть, познакомиться с какой-нибудь жаждущей развлечения туристкой или просто чтобы убить вечер.

Они устроились возле окна, представлявшего собой грубоватый рубиново-зеленый витраж. К ним подошла официантка и положила на стол меню.

– Хорошо, что здесь есть фотографии того, что они предлагают. – Катя принялась разглядывать меню. – Хочу пива, свиных ребрышек.

– А я – колбасу, пиво и...

– Ты же за рулем!

– Будем надеяться, что местная полиция относится благосклонно к русским туристам. Да я просто уверен, что здесь все пьют пиво с утра до ночи.

– Ты становишься легкомысленным, и это пугает меня, – осторожно заметила Катя. – Все-таки мы в чужой стране.

– Подумаешь, заплатим штраф, – отмахнулся Саша и закурил. – А здесь мило. Полно туристов. Судя по всему, это немцы или голландцы.

– Штраф... У тебя много денег? – все же решилась спросить Катя и при этом покраснела. Ей даже стало жарко.

– У меня есть деньги, – не поднимая глаз, ответил Саша. – Я понимаю, твои родители решили почему-то, что я нищий и вообще женился на тебе, чтобы жить в Москве.

Он вдруг посмотрел на нее пристально, затем взял ее руку в свою и сказал спокойно и с достоинством:

– Я люблю тебя, Катя. И если ты любишь меня, то должна верить мне, понимаешь? Верить и во всем положиться на меня. Я теперь твой муж и отвечаю за тебя. Я – мужчина, ты – женщина. Ты можешь не работать, заниматься домом и детьми, или, наоборот, своей карьерой, но знай – я рядом, я всегда тебе помогу. Главное, не растрачивай свои чувства на разного рода подозрения, ревность, мелкие ссоры. Если тебе что-то непонятно, если тебя что-то мучает или ты в чем-то не уверена – скажи. Я тебе все объясню. Надо уметь договариваться. Что же касается денег – они у меня есть. Думаю, в скором времени их будет еще больше. И, если ты все же захочешь, мы купим себе дом или квартиру – здесь.

К ним подошла официантка, приветливо улыбнулась. Они сделали заказ.

– Ты прав, – сказала Катя, когда девушка отошла от их столика. – Мы должны договариваться. Но я еще не привыкла к тебе, ты должен это понять. Мы так мало знаем друг друга. И я ревную тебя. Ко всем. Мне стыдно, но это так.

– Я тоже ревную. Но молчу же, – Саша вновь положил ладонь на ее руку. – Что еще?

– Я ничего не знаю о твоей семье, о том, кем были твои родители.

– Отца я своего не знаю, он умер, когда я был совсем ребенком. Мама была портнихой. Мы всегда жили скромно, но благодаря маминим золотым рукам ни в чем особо с сестрой не нуждались.

– С сестрой? У тебя есть сестра?

– Да, но она старше меня, замужем, у нее двое детей, она живет в соседнем городе, не с нами.

– Ты меня с ней познакомишь?

– Обязательно. И с другими родственниками. У нас нормальная семья, так что не переживай. Главное – это наши отношения. Ведь так?

– Так.

Им принесли свинину, колбасу, пиво.

– Ты сегодня так посмотрел на эту русскую горничную... служанку, уборщицу Таню, – она все же сказала это.

– Она – русская, – пожал плечами Саша. – Мне было приятно услышать русскую речь. Вот и все.

– Я понимаю, она много старше нас, но красивая... Она понравилась тебе?

– А тебе Михаэль?

Они оба рассмеялись. Все это глупо, глупо! К черту ревность. Им хорошо вдвоем и больше никто не нужен.

Вечером, возвращаясь с конюшни, где они смотрели лошадей и Саша договаривался об утренней прогулке в сопровождении конюха, так случилось, что потом Саша спустился в кухню, точнее, в ту часть кухни или ресторана, где находился бар, а Катя решила подняться к себе, надеть свитер. Поднимаясь в башню по узкой винтовой лестнице, она вдруг услышала голоса. Остановилась и прислушалась. Ей было интересно и любопытно все происходившее вокруг нее. К тому же один голос, как ей показалось, принадлежал Тане. Катя спустилась на площадку и сделала несколько шагов по направлению к хозяйским апартаментам. Она знала, что на втором этаже живут Лора с сыном, а под лестницей, в большой просторной комнате рядом с библиотекой, – Татьяна.

Осторожно ступая по ковру, Катя приблизилась к огромному шкафу, забитому чучелами птиц, которые просматривались за толстыми мутными стеклами, и спряталась за ним, сгорая от желания послушать, о чем же так громко спорит, явно что-то доказывая, Татьяна. Да, это была она, и разговаривала на повышенных тонах с кем-то, кого Катя, понятное дело, не видела, но почему-то очень хотела разглядеть. До нее доносились обрывки фраз – «Ты сначала мне что обещал, а... (далее следовало непристойное слово, обращенное явно к мужчине)?», «...Только и знаете, что под юбку лезть...», «У тебя, молодого жеребца, одно на уме...», «...Молчишь? Что, сказать нечего?»

И тут она услышала быструю тихую речь. Голос принадлежал Михаэлю. Он блеял, объясняя что-то, словно извинялся перед Татьяной.

– Цвай! Понял, кретин? Две тысячи евро, так-то вот. И не делай вид, что не понимаешь, о чем я говорю. Я сама лично видела, как ты с этой бабой из Калининграда говорил почти на чистом русском в «Красной башне». Я же там была вчера, и ты видел меня, но все равно не подошел. Ты – самый настоящий трус! Психопат. Две тысячи, понял? Завтра же!

Михаэль что-то сказал, после чего Татьяна как-то нехорошо, жирненько хохотнула, слегка взвизгнув. Катя, понимая, что парочке не до нее, решила все же проверить свои предположения. А вдруг это не Михаэль?

Она вышла из-за шкафа, подкралась к двери, приникла к щели и увидела: Михаэль прижал Татьяну к стене, руки его скользили под ее юбкой. Он был возбужден. Лицо его – красное, потное.

– А сейчас, сучонок, сто евро. Сегодня пойду туда снова, посмотрю, один ты будешь или с этой дурындой. Ну... – Она вдруг оттолкнула парня от себя и шлепнула ладонями по его плечам. – Денежки! Сто евро!

Михаэль дрожащими руками вытаскивал из всех карманов купюры. Сунул их Татьяне в вырез кофты, после чего принялся целовать ей шею, щеки...

Катя прибежала в башню сама не своя. Словно это ее сейчас тискал Михаэль. Так вот каким образом, оказывается, зарабатывает денежки русская служанка!

Надо было спуститься вниз, к Саше, но она почему-то не могла. Села, прижав к груди свитер, в кресло, не в силах пошевелиться. С закрытыми глазами вспоминала каждую деталь того, что увидела в комнате Тани. Почему? Зачем? Почему именно она? Немолодая, потасканная женщина. Что он в ней нашел? Он весь дрожал, он так ее хотел...

Катя умылась холодной водой. Надела свитер и спустилась в бар. Саша сидел за столиком и листал журнал.

– Пришла? – Он улыбнулся, встал и усадил ее рядом с собой на бархатный диванчик. – А я уже успел соскучиться. У тебя все в порядке?

– Да. Только... Хотя... нет, ничего. Все хорошо.

– И все же?

– Да так. Встретила Лору Бор. Все думаю: богатая женщина, а так скромно одевается.

4. Раушенбург

День был солнечным и теплым, воздух казался наполненным янтарной пылью, а лес, такой прежде мирный, тихий и всегда готовый поделиться своей прохладой, в ту минуту, когда Кристина Эш выходила из машины с Йоханом, показался ей мрачным, полным тайных захоронений, а сухие и блестящие хвойные иголки под ее ногами – оранжевыми от подсохшей крови.

– Я многое бы отдал, окажись все простым кошмаром, а платье Матильды мне приснилось, – прошептал Йохан, беря мать под руку и подводя ее к тропинке, ведущей в лес. – Ну что, идем?

Кристина оперлась на руку сына и двинулась вперед, с трудом передвигая непослушными ногами. Они все шли, шли, и хотя она умом понимала, что путь короткий, но почему-то он давался ей с великим трудом. Ей показалось, что они прошли уже через весь лес – настолько она утомилась, впору было сесть на землю, отдохнуть. Солнце заигрывало с ними, дробясь на яркие лучи среди розоватых стволов елей, ослепляя, исчезая и появляясь вновь, чтобы позолотить пышные зеленые ветви, согреть вошедших в лес людей своим теплом, может быть, успокоить их.

– Мама, это здесь, – вдруг напряженным, высоким, каким-то не своим голосом произнес Йохан. – Постарайся взять себя в руки.

Кристина подошла к сыну сзади, крепко схватив его за руку, встала слева от него и увидела ель, на ветвях которой висело полуистлевшее платье Матильды. Да, это точно было ее платье. Белое в розочках.

– Осенью шли дожди, потом была зима. Бедное платье! Бедная Мати! – прошептала Кристина, глотая слезы. – Что будем делать, Йохан?

– Не знаю. Я только одного никак не пойму: как могло случиться, что это платье никто прежде не заметил? Ведь Мати знали все в Раушенбурге, ее наряды примелькались... Во всяком случае, молодые девушки, знакомые Матильды, знали это платье, они не раз бывали здесь на машинах со своими друзьями. Да в лесу столько пикников устраивалось! Почему никто не заметил? Тем более все отлично знают, что Мати пропала.

– Не знаю. Может, место такое глухое. Никто тут не был, да и на машине в чащу не проберешься.

– Неподалеку отсюда еще одна дорога проходит, совсем рядом, если ехать со стороны замка. Так что удивительно...

– Йохан, какая разница, видел кто-то платье или нет, главное – мы увидели. Я понимаю: с Мати стряслась беда, и все это произошло здесь. И моей дочери, – лицо Кристины застыло, по щекам покатились крупные слезы, – уже, наверное, нет в живых. Мы не можем вернуть ее к жизни. Но раз она погибла здесь, раз ее здесь... убили... В память о нашей Мати мы должны найти тело и похоронить ее как положено. А того, кто надругался над ней и убил, надо наказать.

– Значит, мы все-таки обратимся в полицию?

– Сами мы ничего не сможем.

Кристина присела и провела ладонью по прохладным, потемневшим в тени, густо рассыпанным хвойным иголкам, словно ее материнская ладонь могла почувствовать, где именно зарыто тело дочери. Но внезапно пальцы ее нащупали что-то упругое и нежное. Она разрыла верхний слой хвои и влажной земли и увидела оранжевый свежий рыжик.

– Господи, Йохан! Смотри – грибы.

Она подняла голову и увидела сына, прислонившегося к стволу ели. Лицо его было белым.

– Что с тобой, Йохан? Тебе плохо?

И тут она заметила в его руках что-то светлое.

Это была туфля Матильды. Бело-розовая, перепачканная землей. Сильно подпорченная влагой, покрытая плесенью.

– Мама! Я звоню в полицию!

– Подожди. Я думаю... – Кристина судорожно размяла пахучий рыжик и швырнула грибные комки на землю. – Главное – ничего не трогать. Вернемся домой и все обсудим. Решим, как действовать дальше.

Говоря это, она вдруг поняла, что испытывает странное чувство облегчения от того, что теперь точно знает: ее дочь где-то здесь, пусть и мертвая. Теперь не придется по ночам вздрагивать от каждого звонка или стука в дверь в ожидании, что придут и скажут: тело вашей дочери найдено. Она сама – так уж сложилось – нашла его. И хотя бы одну эту ночь она будет спать спокойно. Кристина понимала, что это спокойствие – просто передышка, а потом начнется настоящий кошмар. И это чувство, словно где-то внутри отпустило нечто, что прежде тянуло, ныло, причиняло ей чуть ли не физическую боль, тоже несет в себе печать душевной болезни. Она ведь должна сейчас плакать и рыдать, рвать на себе волосы, зная, что стоит на земле, пропитанной кровью ее дочери. Но, с другой стороны, кто знает, как именно, точнее сказать, насколько естественно повела бы себя любая другая мать, окажись она на ее месте? Где прописаны правила для подобной ситуации? Каждый ведет себя так, как чувствует. А она ощущает одно – желание вернуться домой и хорошенько выспаться. Главное, чтобы об этом не узнал Йохан. Он не поймет ее.

– Думаешь, я должен положить туфлю туда, где она была?

– Да. И едем домой. Я должна все обдумать. Вернее, я и так знаю, что надо делать. Просто мне кажется, что мой рассудок еще не принял весь этот кошмар. И я хочу понять, насколько плохо себя чувствую. Готова ли я к тому, чтобы разворошить это дело.

Она произнесла все это – и сама изумилась тому цинизму, который, как вирус, завладел ею. Да разве можно сомневаться в том, что следует немедленно обратиться в полицию?!

– Хорошо, мама, – покорно сказал Йохан, положил туфлю на землю, даже слегка присыпал ее землей, подставил локоть, чтобы мать могла опереться на него, и они вместе, поддерживая друг друга, вышли наконец из леса.

– Как холодно, – стуча зубами, произнесла Кристина.

Дома они пили горячий кофе и говорили о Матильде.

– Да, конечно, она была сумасбродной девочкой, любила выпить, погулять. Но не убивать же ее за это! Многие замужние женщины ведут себя еще хуже, приводят в дом, в семейную спальню, любовников, пока муж на работе.

Йохан слышал это от матери уже не первый раз. Да и что ей оставалось делать, как не защищать Матильду? Особенно теперь, когда ее не стало.

– Я понимаю, нехорошо так говорить, но образ жизни Мати... Разве она не понимала, чем могут кончиться ее похождения с малознакомыми мужчинами? Она говорила, что находится в поиске, не нашла пока еще мужчину своей мечты, и если будет вести себя слишком скромно, то как же она узнает мужчину – чего он стоит? Матильда позволяла себе такое... неудивительно, что она закончила свои дни именно так. – Йохан с горечью махнул рукой и закрыл лицо, чтобы мать не увидела выступившие на его глазах слезы. – Думаешь, раз я так говорю о ней, то мне ее не жалко? Я любил Мати, и она это отлично знала. Я всегда давал ей деньги, помогал во всем, даже позволял пользоваться своим телефоном, если она, к примеру, не могла дозвониться до какого-нибудь своего ухажера. Да что теперь вспоминать...

– Мужчина ее мечты... – произнесла Кристина задумчиво и тяжело вздохнула. – Разве могла она предположить, что это ее найдут? Мертвую! Что ты думаешь о том, как она погибла?

– Во всяком случае, ее никто не насиловал. – Йохан налил себе еще кофе. – Она была не их тех, кого надо долго уговаривать. Просто попался садист, вот и все. Мало ему было удовольствий... Скотина!

Он в сердцах швырнул попавшееся под руку кухонное полотенце и застонал.

– Ладно, сынок, звони в полицию. Чувствую, не успокоюсь до тех пор, пока не найдут убийцу Мати.

Кристина приняла наконец решение.

– Ты уверена, мама? – Йохан с тревогой посмотрел на нее. Жуткая картина разрытой земли и извлеченного оттуда разложившегося тела – вот что увидел он внутренним зрением, и ему показалось даже, что в кухне дурно пахло. – Ты выдержишь?

– Я понимаю, это будет тяжело, но, если мы этого не сделаем, Мати будет приходить ко мне во сне и просить похоронить ее. Люди говорят, что такие случаи бывали. Постараюсь взять себя в руки. У меня в аптечке полно разных таблеток, есть и очень сильные. Выпью и как-нибудь переживу весь этот кошмар.

Йохан подумал, что ни он, ни мать – никто не знает, что их ждет дальше и как будут развиваться события. Но мертвая Матильда – все равно их Матильда, и ее надо похоронить. Что же касается ее убийцы, то надо все хорошенько обдумать. Хотя разве не с Фридрихом, этим сумасшедшим бродягой, ее видели незадолго до исчезновения как раз в этом лесу? Только где искать этого проходимца, если он пропал почти одновременно с Мати? Да и полицейские, услышав о том, что Фридрих был последним, с кем видели Мати, лишь отмахнутся: все знают, что у Фридриха не все в порядке с головой, он не может подолгу жить в одном месте, мотается, как перекасти-поле, ему нет смысла убивать Мати. А кому вообще был смысл ее убивать? Кому она помешала?

Йохан спустился вниз, чтобы мать его не слышала, и позвонил в полицию.

– Моя фамилия Эш. Йохан Эш. В прошлом году пропала моя сестра, Матильда Эш. Да, конечно, я знаю, вы помните. Так вот. В лесу, неподалеку от замка «Зоммерберг», я случайно обнаружил платье и туфлю своей сестры...

5. Раушенбург

– Это ты сказал, что, находясь в Баварии, надо воспользоваться случаем и поехать в Дахау, – говорила оторопевшая, оглушенная всем увиденным в бывшем концентрационном лагере Катя. – Все было так хорошо, замечательно! Я понимаю, конечно, что такие вещи надо знать, время от времени следует оглядываться назад, чтобы не забывать историю, нормальный, цивилизованный человек должен относиться к этому философски. Но, по-видимому, я слабая, чрезмерно впечатлительная, и после этих жутких печей, где сжигали трупы узников, я совершенно выбита из колеи.

Они возвращались на машине, которую вел шофер замка Курт, пожилой невозмутимый немец в тирольской шапочке, судя по всему, старожил замка и уважаемый Лорой Бор человек. Конечно, он, часто возивший русских туристов, знал немного язык, в чем Катя с Сашей успели убедиться, когда он водил их по бывшим баракам концлагеря и в роли экскурсовода рассказывал и показывал им самое интересное и, значит, самое трагичное. И тем не менее Катя не могла молчать и, чуть ли не плача, делилась с мужем своими впечатлениями.

– Повсюду добротной сработанная мебель – двухъярусные кровати, какие-то полочки-шкафчики; даже лежак, на котором пороли людей, сделан на совесть, словно он должен был прослужить целую вечность. Его поверхность отполирована телами измученных евреев... Саша, может, ты и должен был все это увидеть, но только не я!

Саша молча слушал и смотрел в окно, за которым тянулись мирные поля, светило солнце, катились, обгоняя их автомобиль, дорогие лоснящиеся машины. Жизнь продолжалась. В какой-то степени он считал себя виноватым в том, что довел свою молодую жену до такого нервного состояния. Но, с другой стороны, экскурсия по Дахау все равно рано или поздно воспримется ею как резкий контраст с ее настоящей жизнью, с той безмятежностью, которой она сейчас так дорожила и ощущение которой боялась потерять. Сказать, что этот музей – свидетельство зверства фашистов – не произвел на Сашу впечатления – не сказать ничего. Он и сам увидел и узнал многое, но одно дело – прочитать о лагерях в книгах или газетах, а другое – оказаться в этих стенах, увидеть ровные прямоугольники, посыпанные гравием: следы, место тех барачных, которые были после окончания войны стерты с лица земли – словно печати пустоты, смерти, забвения. Больше того, если в самом начале экскурсии Саша воспринимал лагерь как нечто, не имеющее никакой реальной связи с ним, с его семьей, городом, то спустя час он натолкнулся на кое-что, действительно потрясшее его. Среди экспонатов музея он увидел альбом ламинированных листов, документов – личных дел заключенных, среди которых был один человек, еврей – из его родного города. Личное дело было заполнено явно русской рукой, отличным каллиграфическим почерком, запись выполнена фиолетовыми густыми чернилами. Фамилия, имя, отчество, адрес в России, координаты близких родственников. И сверху (словно на всей биографии несчастного русского еврея) синий прямоугольничек-печать: «Передан гестапо». Этот человек жил в самом центре города, там, быть может, еще живут его родственники – дети, если они еще живы, внуки, правнуки. Все это было на самом деле, и среди узников, помимо евреев из Польши, Франции, Чехии, были и наши, русские евреи. Курт говорил, что каждый узник, отличавшийся какими-то индивидуальными способностями, будь он ювелир, портной или плотник, занимался своим ремеслом и отдавал свои силы до самого последнего вздоха этому лагерю – этому режиму, мировой войне, всей войне, после чего истощенных, полумертвых от голода и усталости людей как отработанный материал отводили вроде бы в душ. А на самом деле – в газовые камеры. Голых людей собирали в холодном пустом помещении, после чего пускали газ. А потом другие узники укладывали пахшие газом трупы на специальные носилки и закатывали их в жерло печей. Мощные трубы долго извергали в онемевшее от такого противоестественного зверства небо черный густой дым. Подумалось,

что старые деревья, окружавшие концлагерь, быть может, помнят еще тяжелый запах паленого человеческого мяса.

– Возможно, ты и права, что я зря предложил тебе эту экскурсию, – сказал Саша, беря Катю за руку. – Какая холодная... Успокойся. Все это было не с нами, это просто история. В разные времена люди допускали разные зверства. Вспомни хотя бы инквизицию. А сейчас... Думаешь, нет людей, которые сами решают, кого лишит жизни, а кого – нет? Повсюду ходят убийцы. Даже среди нас! Просто мы не знаем, что на их руках – кровь. – Он вдруг побледнел. – Знаешь, что? Давай не будем о грустном.

Катя медленно повернула голову и удивленно посмотрела на Сашу.

– Значит, и тебе тоже... не по себе? – Она осторожно провела рукой по его ладони. – А я думала, что это только у меня такая нездоровая реакция.

– Самая что ни на есть здоровая. – Он поцеловал ее. – Может, напьемся?

– Это как? – Она пожала плечами. – В баре, что ли?

– Нет, в той пивной.

– В «Красной башне»?

– Ну да. По-моему, там мило. Да и обстановка располагает к тому, чтобы напиться, забыться и снова вернуться в реальность, во все то приятное, ради чего мы, собственно говоря, и приехали сюда. Курт, пожалуйста, в «Красную башню».

Немногословный и всепонимающий Курт кивнул, и машина покатила еще быстрее в сторону Раушенбурга.

В пивную по вечерам набивалось много народу, но молодоженам повезло – освободился стол рядом с окном, тем самым, у которого они сидели впервые. Только на этот раз рубиново-зеленый витраж был подсвечен электрическими лампами. Красно-огненные тона освещения придавали заведению иллюзию негаснущего заката и мирного тепла. Хотя там и в самом деле было тепло, пахло горячим воском (на столиках стояли медные подсвечники с оплывшими горящими свечами), жареной колбасой, пивом, над головами посетителей плавал сигаретный дым. Между столиками проворно двигались раскрасневшиеся – или это мягкий свет падал на их разгоряченные лица – официантки, на их подносах сверкали прозрачные кувшины, огромные кружки с пивом, миски с тушеной капустой, колбасой, розовыми ломтями свежей ветчины.

– Хочу есть и пить... И вообще, как хорошо, что мы сюда пришли. – Катя, не глядя в меню, сказала Саше, что она хочет капусты, мяса, пива и темного, посыпанного тмином хлеба. – Не знаю, как ты им объяснишь, но как-нибудь постарайся. Вон видишь, за соседним столиком стоят тарелки. Этого хочу.

Подошла официантка, внимательно выслушала заказ, кивнула головой. Потом спросила, ткнув пальцем в меню и попав на яблочный штрудель, не хочет ли фрау что-нибудь на десерт.

– Хочет, фрау все хочет! Саша, скажи ей.

Саша сказал девушке что-то по-немецки.

– Ты в самом деле немец? А я уже успела забыть. И ты умеешь говорить по-немецки?

– На школьном уровне.

– А что ты будешь пить?

– Водку. Я попросил принести русскую водку со льдом и лимоном.

– Понятно, – и вдруг она увидела знакомое лицо в другом конце пивной. Замерла с сигаретой в руке. – Смотри! Узнаешь?

Саша повернул голову и увидел Михаэля. Он сидел за столом вместе с мужчинами, они о чем-то громко спорили, судя по всему, сын хозяйки замка был пьян и находился в том состоянии, когда уже все равно, что пить, что есть, что говорить.

– Да он почти без чувств! Смотри, встал, что-то говорит, его поддерживают, – заметил Саша.

– Да уж! Выглядит не очень-то. Вот бы увидела его мамаша, со стыда бы сгорела, – сказала Катя.

– Думаешь, она ничего не знает? Или некому ей рассказать, как проводит время ее сынок-студент? Отдыхает парень.

Им принесли еду, пиво, и Катя, забыв о Михаэле, набросилась на капусту.

– Да, можно здесь пожить хотя бы для того, чтобы перепробовать местную кухню, оценить. Правда, все такое вкусное, жирное, можно и растолстеть.

– Ешь и ни о чем таком не думай. Даже если ты будешь толстенькая, я все равно буду тебя любить, – улыбнулся Саша, с удовольствием глядя, как его молодая жена с аппетитом поглощает пищу. – А я выпью, пожалуй, за твое здоровье.

Он поднял запотевшую рюмку с ледяной водкой и чокнулся с ее огромной кружкой с не менее холодным пивом.

– За тебя, моя хорошая, – сказал он дрогнувшим голосом, и Катя, услышав эти нежные, обращенные к ней слова, почувствовала себя невероятно счастливой, защищенной. Она поняла вдруг, что теперь она не одна, у нее есть человек, с которым ничего не страшно, которому можно верить, как себе. Он действительно любит ее! Она подняла голову и попыталась посмотреть на Сашу глазами другой женщины, оценила его как-то совсем иначе – по-новому, и ей захотелось прикоснуться к нему, почувствовать тепло его кожи, поцеловать его. Поскорее бы закончился этот ужин, они вернутся в замок, в свою комнату, на их широкую кровать с такими удобными подушками и легким теплым одеялом...

Тарелки были еще полными, но есть уже не хотелось. Огромные порции были рассчитаны, вероятно, на привыкших к обильной пище мужчин. Катя, сытая и немного опьяневшая как от еды, так и от пива, попросилась, как она выразилась, «домой». Саша, расплатившись, помог ей, усталой и разомлевшей, подняться из-за стола и повел к выходу. И тут они оба заметили, как с другой стороны зала, вдоль стены, идет, пошатываясь, готовый вот-вот упасть Михаэль.

Саша задержался возле барной стойки, пропуская ничего не видящего Михаэля вперед. Он даже не посмотрел на них, не то чтобы узнал.

– Поглядим, как он доберется до дома.

– Ты же позвонил Курту, он придет за нами, прихватим и Михаэля, – сонным голосом ответила Катя, висевшая у мужа на плече.

– Смотри, он направляется к своему «Крайслеру». Сумасшедший! Да он разобьется в пыль!

– Давай подойдем к нему, и ты объяснишь, что ему не стоит сейчас садиться за руль, скоро придет Курт.

На улице было прохладно, на небе высыпали звезды. На стоянке рядом с пивной стояло много машин, но их хозяева еще не собирались возвращаться домой.

– Послушай, там все пьют. Насколько мне известно, здесь никто не садится за руль в таком состоянии, это запрещено, это нонсенс. Как же они будут добираться домой?

– Думаю, в любой компании есть люди, которые не пьют пива, – пожал плечами Саша, не спуская глаз с Михаэля. Тот открыл дверцу машины, но, теряя равновесие, почти упал на нее, сполз, придерживаясь руками, вниз и снова попытался подняться.

– Смотри, его никто не сопровождает, не помогает, а ведь он сидел в компании приятелей, они отлично понимали, в каком он состоянии. Почему никто не вышел ему помочь? Не остановил его? – Саша отчего-то сильно нервничал.

– Говорю же, подойди к нему и останови его. Разобьется парень. Надо потянуть время. Сейчас придет Курт, и мы заберем его с собой.

– Да он в машину сесть не может!

И вдруг Михаэль каким-то невероятно быстрым и ловким движением уселся наконец в машину, завел мотор и почти сразу же тронулся с места.

– Саша! – Катя словно очнулась. Сонливость исчезла. Она схватила его за рукав. – Он уехал! Саша, ты что? Ты почему не подошел к нему? Разве можно быть таким бессердечным?!

Но он не успел ответить: рядом с ними мягко притормозила машина – приехал Курт.

– Там Михаэль! – закричала взволнованная Катя. – Курт, вы слышите меня?

– Ты что так кричишь? – грубовато заметил Саша. – Он же не глухой.

Катя обиженно закусил губу. Она не понимала, почему Саша не остановил Михаэля.

– Михаэль пьян. Сильно пьян, – объяснил Саша Курту, когда они уже тронулись с места. – Как вы думаете, он поехал в замок?

– Да, – кивнул Курт. – Мы сейчас его догоним. Он часто ездит пьяным. Много штраф.

Машину Михаэля они увидели на обочине дороги, возле леса, неподалеку от замка. «Крайслер» стоял с зажженными фарами, освещавшими лес, и там же, среди елей, стоял и Михаэль, спиной к дороге.

Катя отвернулась – ей показалось, что он мочится. Подумала, что только мужчины могут позволить себе такое. Хотя – ночь, к тому же Михаэль пьян. Хорошо, что он вообще жив, не разбился.

Курт поставил свою машину рядом с «Крайслером» и позвал Михаэля. Но тот, вместо того, чтобы как-то отреагировать на его голос, стал углубляться в лес.

– Идиот, – Саша закурил, глядя на мерцающий в свете фар фрагмент леса, где растворился среди розоватых елей Михаэль.

И тут он появился снова. Только на этот раз в руках его было что-то белое, похожее на тряпку. Он прижимал это к груди и шел широкими шагами, словно отмеряя путь от леса до дороги, упорно глядя под ноги и не желая замечать стоявших рядом с его машиной людей. Не обращая внимания на окрики Курта, он сунул белую, в каких-то пятнах или узорах, тряпку в машину, сел за руль и поехал.

Курт, пожав плечами, сделал жест рукой, приглашая Катю с Сашей занять свои места.

– Он пьян.

До замка оставался примерно километр.

– Пьяным вообще везет. Все разобьются, погибнут, а какой-нибудь пьяный водитель останется жив и здоров, – ворчала Катя, раздеваясь и направляясь в ванную комнату. Саша молча курил в кресле. – Но я все равно не ожидала от тебя такого бессердечия. Ты же видел, что он пьян в дымину, неужели тебе не было его жалко? Ведь молодой еще парень! – прокричала она уже из ванной. – Я понимаю, защищать пьяных нельзя, но все равно. Не думаю, что мы бы простили себе, если бы с ним что-нибудь случилось. Саша, почему ты молчишь, не разговариваешь со мной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.